

-Михаил Иванович, как и почему вы стали востоковедом?

-В школе я увлекался историей - усердно читал литературу о мировом революционном движении. Настоящим откровением для меня были книги Агнесы Смэдди о революционном Китае и Мао Цзэдуна. Благодаря им стал интересоваться историей Китая вообще.

После окончания школы в 1948 году подал заявление на истфак Московского государственного университета. На экзаменах получил 24 балла из 25 возможных, но чем-то не понравился членам приемной комиссии. По-видимому, их не устроило то, что я не был комсомольцем, а это в сталинские времена было очень существенным обстоятельством. Но меня все-таки рекомендовали Московскому институту востоковедения.

В институте на отделение китайского языка меня не взяли из-за зрения (минус 4) - «Как же вы с таким зрением будете читать иероглифы?!» - сказал один из членов приемной комиссии. Был недобор на синьцзянское отделение, и меня зачислили в группу, изучавшую уйгурский язык. Дополнительно преподавали и английский.

-Почему с уйгурского языка вы переключились на русский?

-Окончание института в 1953 году совпало со смертью Сталина. В стране начался пересмотр всей политики, в том числе и внешней. Кадры востоковедов остались невостребованными. Мы оказались в подвешенном положении: хочешь - бегай по Москве, ищи работу. А все мои однокурсники были с претензиями - работать кем попало не хотели. Ведь институт востоковедения готовил не только языковедов, но и дипломатов, и разведчиков.

Приехал к нам инструктор ЦК комсомола Смирнов (помню его фамилию) и стал агитировать: востоковеды, мол, сейчас не нужны, нужны учителя английского языка. «Грузчики тоже нужны», - возмутился один из студентов, рослый и сильный парень. Инструктор ЦК комсомола подошел к нему и ткнул в него пальцем: «Вот из вас был бы хороший грузчик». Наш товарищ не растерялся и, в свою очередь, ткнул Смирнова пальцем: «Из вас тоже».

Сами понимаете, выбора у нас не было. И еще на один год для нас были продлены занятия - готовились стать преподавателями английского языка. Представьте себе марафонца, которому без его ведома удлиннили дистанцию...

Отучились мы дополнительный год и разбрелись кто куда. Один мой товарищ поехал в Казахстан. Решил и я посмотреть, что там такое. А поскольку туда я мог поехать только в качестве русиста, то и стал

это достаточно большие деньги) были против всего нового. Мне удалось прорваться на прием к новому министру образования и добиться приказа, разрешающего мне работать так, как хочу. Но из Чарына меня поперли. Три месяца проработал в школе поближе к Алма-Ате. А тут сильно заболела мать и мне пришлось вернуться в Москву.

-Какую роль в вашей научной деятельности сыграло пребывание в Москве?

-К середине XX века в области языкознания произошли серьезные изменения, связанные с именами швейцарца де Соссюра - автора учения структурализма и его последователей.

Михаил ТРОФИМОВ:

В Советском Союзе же должны были придерживаться позиции,

со студентами. Все основано на доверии.

Если предлагаю выполнить какие-либо задания или упражнения, то они должны верить, что это целесообразно и работает на конечный результат - овладение русским языком.

Главное мое детище - практический курс русского языка, над которым я работаю вот уже пятьдесят лет. Здесь я отказался от деления языка на морфологию и синтаксис. Это ненужное деление. Если для русскоязычных школьников оно еще терпимо, то для нерусских это означает дополнительные сложности на пути овладения языком. Они постоянно путают части

Собеседник

БЫТЬ НА УРОКЕ ОТКРЫТИЮ

Визитка

Михаил Иванович Трофимов, доктор филологических наук, профессор ОшГУ. Родился в 1929 году в г. Москве, окончил Московский институт востоковедения. Кандидатскую и докторскую диссертации защитил по языковедческим проблемам уйгурского языка. Двадцать лет публиковался в журнале «Советская тюркология». Владеет уйгурским и английским языками. Пятьдесят лет работает над проблемами преподавания русского языка как иностранного для нерусских студентов и учащихся. Имеет по этому вопросу свою особую точку зрения.

Обладает феноменальной памятью - о событиях пятидесятилетней давности вспоминает как о вчерашних, знает по именам и фамилиям многих студентов, когда-либо у него учившихся.

я мог поехать только в качестве русиста, то и стал учителем русского языка в отдаленной от центра уйгурской деревушке Ак-Су.

-Где каких обстоятельствах вы столкнулись с проблемами преподавания русского языка в национальной школе?

-Помню, как на одном из первых моих уроков в школе выходит к доске ответить десятиклассник - казашка по фамилии Романова. Начинает говорить, но с таким чудовищным акцентом, что я ничего не пойму. Представляю, что она изъясняется по-болгарски, и начинаю хотеть. Вскоре перевелся в Чарын, в другую школу, и здесь та же ситуация. Стал искать новые подходы к преподаванию русского языка нерусским школьникам. Естественно, что сначала попытка найти ответы на свои вопросы в учебниках. А поскольку в сельских школах их тогда не было, приобрел нужную книгу в городе. Но это оказалась почти точная копия учебника для педучилища с русским контингентом учащихся с парой абзацев в каждом параграфе об особенностях казахского языка. Русский язык для учащихся - казахов преподавался так же, как и для русских. Из закончивших школу масса парней, не говоря уже о девушках, едва-едва могла сказать по-русски пару слов.

-Как к такому положению дел относились другие учителя и работники органов образования?

-На первых же для меня районных педагогических чтениях я сделал попытку обрисовать положение дел с преподаванием русского языка. Но меня не желали слушать ни чиновники от образования, ни простые учителя. Некий Чуев, выступая после меня, с невыразимым сарказмом заявил: «Кажется, тут предлагают что-то новое!» А в Чарынской школе русская женщина сказала: «Вы прямо донос на нас пишете!»

Еще не было XX съезда коммунистической партии, еще не был развенчан культ личности Сталина, и в Казахстане у Хрущева была масса противников, откровенно говоривших: «Посмотрим, какой это петух выскочил!» Учителя знали, что в случае чего именно их обвинят, на них чинуши свалят всю вину. Я побывал в Алма-Ате и добился приема в ЦК Компартии Казахстана, разговаривал и с тогдашним министром образования республике. Мне понимающе кивали, но никто не хотел вникать в суть проблемы, а тем более что-то предпринимать.

В школе все шло по-прежнему. Во время проверки диктантов директор школы сказал: «Михаил Иванович, у вас есть фиолетовые чернила. Исправляйте ошибки ими». Но я исправил красными. И в результате на совещании инспектор районного отдела образования, потрясая этими диктантами, кричал: «Вот где очковтирательство!»

-Что-нибудь изменилось после XX съезда?

-На педагогическом совещании в Алма-Ате после съезда партии я снова выступил. На этот раз меня поддержали. Но в целом ситуация не изменилась. «Мы в советской школе эксперименты производить не можем!» - такова была позиция и чиновников от образования, и авторов учебников. Замечу, что авторь действующих учебников (а их написание и издание -

должны придерживаться позиции, что все идущее из-за границы - порождение буржуазной идеологии. Поэтому новые идеи не получили распространения.

Ситуация изменилась в 1958 году, когда в СССР перебежали два американских разведчика, рассказавшие, как используются достижения языкознания при подготовке шпионов. В 1960 году с одобрения Хрущева начинается пересмотр основных положений советского языкознания.

Застрельщиками этого пересмотра стали племянник комиссара Бакинской коммуны Себастьян Шаумян и сын известного писателя Всеволода Иванова Вячеслав, руководившие Институтом русского языка. В этом научном учреждении в секторе структурной русской лингвистики я проработал пять лет, параллельно разрабатывая свою методику. Эти пять лет для меня были вроде аспирантуры. Я познакомился с крупнейшими проблемами лингвистики. А после Шаумяна никто руководить мной не захотел.

- Михаил Иванович, а как вы оказались в Средней Азии?

-В 1985 году я женился, и мы решили уехать из Москвы. Как раз в это время пришло приглашение из Самарканда. Там работал в университете, а когда образовался пединститут, перешел туда. Преподавал в узбекских группах. В 1975 году переехал в Ош, стал преподавать в педагогическом институте (ныне ОшГУ). Еще в Самарканде отказался от чтения лекционных курсов, веду в кыргызских группах практический курс русского языка.

-Расскажите о вашем видении проблем преподавания русского языка?

- В преподавании русского языка сегодня существует недопустимый перевес дедуктивного метода (от общего к частному) над индуктивным (от частных проявлений языковых законов к обобщению). Все строится на зазубривании правил. Необходим разумный баланс дедуктивного и индуктивного начал. Достойное место в преподавании должен занять эвристический метод (метод открытий) - преподаватель формулирует проблему, а затем с помощью наводящих вопросов помогает учащимся ее решить, вывести общее правило.

В обучении языку школа так и не смогла сделать последний шаг - перейти от искусственной речи (предложения, упражнения) к речи естественной (сюжетные тексты, импровизированные диалоги, предполагающие конкретные житейские ситуации, и т. д.). Излюбленное задание школьных учителей - придумать предложения на ту или иную тему, хотя они хорошо знают, что дети не могут импровизировать. Нельзя, чтобы искусственная речь занимала монопольное положение в учебном курсе русского языка. Если ученик выполнит достаточное количество упражнений, это еще не значит, что он овладеет русской речью. У нас учебный процесс превратился в своеобразный ритуал. Это характерно не только для нынешней и советской эпох, а является дореволюционной установкой. Главная здесь не приобретение знаний, а воспитание привычки к повиновению. Не рассуждать, а повиноваться.

-В чем заключаются особенности вашей методики?

-Моя цель - установить непосредственный контакт

студентов, когда-либо у него учившихся.

речи и части предложения. Их память перегружается, а результат не очень эффективный. Целесообразнее ввести стержневую категорию подчинения в предложении - категорию зависимости одних слов от других.

В моей системе обучения большую роль играют связанные сюжетные тексты. Имеет значение и их содержание - оно должно находить отклик в душе студента. Для перехода от искусственной речи к живой я ввел обратные пересказы. Приношу на занятия книги на кыргызском языке. Студенты читают их и пересказывают на русском. Использую и такой вид работы, как теория и практика художественной речи. Студенты приносят отрывки из художественных произведений писателей-классиков и дают свой комментарий.

В последние годы я распространил свое внимание и на литературу. Зачем в учебной программе для национальных школ так много времени отводится Пушкину, Тургеневу, Толстому - описанию жизни дворян-помещиков? Этот общественный класс давно сметен революцией. Почему не уделить больше внимания тем, кто ближе к нашему времени - Лескову, Короленко, Мамину-Сибиряку, современным писателям. Тогда учащимся и студентам будет более понятно.

Налицо отказ от обратной связи, игнорирование диалога с учащимися. Не учитывается, насколько усваиваемое в том или ином литературном произведении созвучно нашему времени, насколько понятно и интересно школьникам. Те же подпольщики-революционеры для них такая древность. Но они должны изучать произведения, рассказывающие о революционной деятельности, потому что так решили взрослые дядя и тети, а старших нужно слушаться - таково правило.

Поместил в журнале свою статью на эту тему. Бишкекские спецы стали меня ругать, не пытаясь доказательно опровергнуть, что говорит об их уровне непонимания сути дела.

-Профессор, есть ли у вас последователи, использующие вашу методику в школе?

-Наверное, я плохой пропагандист своих взглядов, хотя и выступал со статьями. Никто не решился последовать моей методике. Но дело не только во мне. Сказывается глубокий консерватизм школьного учителя, самой образовательной системы. Живуча психология страха - как бы чего не вышло!

А между тем нерешенные проблемы преподавания русского языка нерусским учащимся возвращается нам бумерангом при преподавании кыргызского языка школьникам - не кыргызам. Так как в обоих случаях действуют одни и те же лингвистические законы. Кстати, то же можно сказать и в отношении преподавания английского.

Если мы хотим научить кыргызов хорошо говорить по-русски и чтобы русские овладели кыргызской речью, то должны в корне изменить школьные и вузовские подходы к преподаванию языков.

Беседовал В. ЗИЛИНГА.